

## СВЯЩЕННОЕ ПИСАНИЕ В ЖИЗНИ Н. В. ГОГОЛЯ

***Н. П. Золотова***

*Свято-Амвросиевский женский монастырь, д. Русаково, Беларусь,  
rysakovo21@mail.ru*

В статье предпринята попытка рассмотрения жизненного и творческого пути классика русской литературы XIX столетия Н. В. Гоголя сквозь призму Священного Писания. Отражается основная христианская смысловая доминанта авторского духовного восхождения, связанная с осмыслением библейских заповедей, характеризуются религиозные поиски Н. В. Гоголя, воплощенные в художественном наследии и мировоззрении, представляющие собой единую целостную систему писателя-христианина.

**Ключевые слова:** Н. В. Гоголь; биография; творчество; религиозность; Священное Писание; духовность; христианские заповеди.

## HOLY SCRIPTURE IN THE LIFE OF N. V. GOGOL

***N. P. Zolotova***

*St. Ambrose Convent, village Rusakovo, Belarus,  
rysakovo21@mail.ru*

The article attempts to examine the life and creative path of the classic of Russian literature of the 19th century N. V. Gogol through the prism of the Holy Scripture. It reflects the main Christian semantic dominant of the author's spiritual ascent, associated with the understanding of the biblical commandments, characterizes the religious searches of N. V. Gogol, embodied in the artistic heritage and worldview, representing a single integral system of the Christian writer.

**Keywords:** N. V. Gogol; biography; creativity; religiosity; Holy Scripture; spirituality; Christian commandments.

*Библия учит нас не о том,  
как движется небо,  
а о том, как взойти на небо  
(Галилео Галилей)*

Николай Васильевич Гоголь — гениальный русский писатель, неординарный талант которого был по-разному оценен как современниками, так и потомками. Основательные исследования о творчестве, духовном пути и христианской жизни Гоголя уже имеются. Мы попытаемся проанализировать, как жизнь Гоголя можно рассмотреть сквозь призму

Священного Писания, показать, что биография и творчество Гоголя представляют собой нечто целостное, а всю его жизнь можно интерпретировать как ступени лестницы духовного восхождения.

Что значит Священное Писание в жизни любого человека? С одной стороны — это Дар, Подарок, данный нам от Господа. С другой — это Встреча с большой буквы с самим Господом нашим. Нам нужна эта Встреча, потому что именно она нас меняет, преобразует. Господь сказал, что Он есть Путь, Истина и Жизнь. И только через Него мы можем «взойти на небо». Жизнь любого человека можно прочесть в свете Священного Писания, увидеть его подъемы и падения, а главное — итог жизни.

Писать, говорить о такой творческой личности, как Николай Васильевич Гоголь, — дело непростое, но благодатное. Непростое, потому что внутренний мир человека, его духовный путь — это всегда тайна, которая известна одному небесному Сердцеведцу. Благодатное, потому что вся его жизнь — это пример того, как он стремился возрасть во Господе, стать настоящим христианином. Если графически изобразить его жизнь, то это будет прямая линия, восходящая к небу. На каждом этапе, отрезке этой линии — и в жизни, и в творчестве Гоголя — чувствовалась неудовлетворенность земным, тяга к небесному. Однако это не все понимали, знали только близкие люди.

Творчество Гоголя делят на два периода: ранний Гоголь — до появления книги «Выбранные места из переписки с друзьями», поздний — после выхода этой книги из печати.

Современный российский литературовед Владимир Алексеевич Воропаев пишет, что: «В сознании большинства современников Гоголь представлял собой классический тип писателя-сатирика, обличителя пороков, общественных и человеческих, блестящего юмориста. Гоголя в другом его качестве, как начинателя святоотеческой традиции в русской литературе, как религиозного мыслителя и публициста и даже автора молитв, его современники не узнали» [2, с. 7].

Более того, «Выбранные места...» рассматривали не как творческий рост автора, а как «падение», считалось, что Гоголь изменил своему стилю, и некоторые стали относиться к нему как полусумасшедшему. Дмитрий Мережковский считал Гоголя болезненным фанатиком и полностью оторванным от Православной Церкви.

Реабилитация Гоголя как писателя и мыслителя начинается в XX веке в трудах русских философов и религиозных мыслителей, критиков и литературоведов. Так, высокую оценку творчеству Гоголя дал выдающийся православный мыслитель и богослов, протоиерей Василий Зеньковский, назвавший Гоголя «пророком православной культуры», одним

«из творцов новой русской литературы». Зеньковский утверждал, что Гоголь не только «гениальный писатель, но не менее замечателен он и в своих религиозных исканиях...» [7, с. 186–187].

Российский ученый, богослов, литературовед Михаил Михайлович Дунаев в своих работах, посвященных Гоголю, пишет, что он «обладал обостренной религиозной одаренностью... и именно Гоголь направил русскую литературу к осознанному служению православной Истине» [6, с. 71.].

Как же соотнести эти две точки зрения: с одной стороны, сумасшедший, создавший произведение, которое говорит не о движении автора вперед, а, наоборот, о «падении», с другой, «пророк православной культуры», «один из творцов новой русской литературы».

Мы же думаем, никакого разрыва в мировоззрении Гоголя не было, не было раздвоения во взглядах писателя, а именно: до появления книги Гоголь — это обычный христианин, после — это уже, как говорили, религиозный фанатик. На наш взгляд, книга «Выбранные места...» явилась итогом его духовного роста, его «восхождением к высотам духа», которое происходило постепенно.

Святой Василий Великий человека определял так: «Человек — невидимое существо». Мы можем только догадываться о сокровенной внутренней жизни, что стоит за чередой внешних событий и перечнем биографических данных. Внутреннюю тайну сквозь призму Священного Писания можно прочесть по определенным словам и поступкам человека (во всяком случае, попытаться).

Главной частью, можно сказать, сердцевиной Священного Писания являются заповеди Божии, данные человеку как ступени восхождения к своему Творцу и Отцу Небесному. Исполнение каждой заповеди приобщает человека к живой духовной реальности, как бы открывает дверь в иную невидимую божественную жизнь, проливает благодатный свет в его душу, приближает к Богу. Путь исполнения заповедей становится для человека путем к Небесному Отечеству, путем Встречи и обретения Бога в своей душе.

Отправной точкой или первой ступенькой гоголевского духовного восхождения можно назвать пятую заповедь Ветхого Завета: «Почитай отца твоего и мать, да будешь благословен на земле и долголетен» (Исх. 20:12). Любовь и почитание родителей прослеживается у Гоголя на протяжении всей его жизни. Гоголь по прожитым годам не был долголетен, он прожил всего почти 43 года (1 апреля 1809 — 4 марта 1852), но его земной путь был благословен, а в памяти потомков и в жизни вечной — долголетен. Конечно, пятую заповедь он не твердил без устали, однако,

она стала смысловой доминантой его отношений в семье как детского периода, так и всей последующей жизни.

Благодаря такой настроенности души был заложен фундамент «религиозной одаренности», основой которого является вера, воспринятая из самого уклада жизни семьи, из научения родительского. Мать Николая Васильевича отличалась глубокой и искренней религиозностью. Гоголь ценил духовные уроки, полученные в семье, потому впоследствии в одном из своих писем к матери вспоминает такой случай, который навсегда остался в его памяти: «Я просил вас рассказать мне о Страшном Суде, и вы мне, ребенку, так хорошо, так понятно, так трогательно рассказали о тех благах, которые ожидают людей за добродетельную жизнь, и так разительно, так страшно описали вечные муки грешных, что это потрясло и разбудило во мне всю чувствительность. Это заронило и произвело впоследствии во мне самые высокие мысли». О том, что вера — это основа всего, он также писал матери в письме, где говорилось о воспитании младшей сестры Ольги: «Внушите ей правила религии. Это фундамент всего» [4, с. 10–11].

Биографы отмечают еще, например, такой факт из его биографии. В двенадцатилетнем возрасте, при поступлении в Нежинскую гимназию высших наук, Гоголь показал хорошие знания только по Закону Божию, а по остальным предметам оказался слабо подготовленным, что свидетельствует о приоритетах в домашнем обучении. Его школьные товарищи по гимназии вспоминают, что единственный профессор, имевший на него сильное влияние, был богослов. Таким образом, гимназия не только продолжила духовное образование Гоголя, начало которому было положено в семье, но и во многом определила его дальнейшее духовное развитие.

В свете исполнения заповеди о почитании родителей Гоголь обретает свой путь к Богу, к исполнению первой Ветхозаветной заповеди: «Я есть Господь Бог твой, да не будет у тебя других богов, кроме Меня» (Исх. 20:2–3). Начало этого пути мы видим уже в юношеском возрасте. Когда Гоголю исполнилось шестнадцать лет, в семье произошло трагическое событие — смерть отца. Эта жизненная драма стала серьезным испытанием для любящего сына. Юный Гоголь пишет в письме матери, что «хотел даже посягнуть на жизнь свою», но вера помогла ему перенести тяжелую утрату родителя. Он так об этом пишет: «Я сей удар перенес с твердостью истинного христианина... Благословляю тебя, священная вера! В тебе только я нахожу источник утешения и утolenия своей горести!» [4, с. 12].

Такая великая скорбь для столь юного возраста имела важное значение в формировании личности Гоголя, его внутренних приоритетов. Уже

тогда он понял, как и сам пишет об этом, чем для него является вера. В этих страданиях он, как нельзя более, прочувствовал связь с Богом, Его Личное присутствие в своей жизни, осознал то, что не может быть для него других богов, кроме Единственного Истинного Бога. Как пишет русский философ С. Л. Франк: «связь с Богом мы действительно сознаем не когда размышляем о Нем, а чаще всего лишь в минуты трагической борьбы за само существование нашей жизни, когда нам открывается бесконечная глубина и абсолютный смысл нашего бытия» [9, с. 162–163]. Гоголю открылось, «что все находится в руке Божьей <...>, обращающей всякое зло в путь и средство к добру...» [9, с. 431]. Через пережитую личную трагедию юноша пришел к пониманию того, что все не так просто — родился, жил, умер, что все имеет свой смысл: родился — благодаря за дар жизни и думай, осмысливай, зачем родился; жил — как жил, в чем был смысл твоей жизни; умер — как умер, какой ответ дашь за прожитую жизнь, что ожидает тебя в новой жизни. Это время у Гоголя было периодом постижения мудрого плана Творца о нем, о его дальнейшей жизни. Правильное отношение к событиям, происходившим в его судьбе, позволило Гоголю со всей ответственностью перейти на другой этап — этап поисков себя, а в дальнейшем — войти уже в истинную полноту жизни, жизни во Христе.

После того, как в страданиях Гоголь обрел своего Истинного Бога, начинается для него осмысление жизни по-новому. Прежде всего, это определение своего личного отношения к Богу и, в связи с этим, и жизни в обществе, и отношения к окружающему миру.

Если Ветхозаветные заповеди говорят больше об устроении внешней жизни человека по духовному закону, лежащему в основании бытия мира, то Новозаветные заповеди блаженств раскрывают внутреннее содержание духовной жизни или внутренний путь человека к Богу. В исполнении заповеди «Да не будет у тебя иного Бога, кроме Меня» (Исх. 20:2–3), человек приближается к исполнению первой заповеди блаженств: «Блажени нищие духом, яко тех есть Царство Небесное» (Мф. 5:3). Нищета духовная — это осознание того, что вся наша жизнь, все наши блага и таланты — это дар Творца Бога. В связи с этим рождается идея о жизни как служении, служении Богу, людям, Родине. Это первая ступенька во внутреннем пути человека к Богу, на нее-то и стал Гоголь в период своей молодости. Для него открылся внутренний путь обретения Бога, который бесконечен.

Период молодости Гоголя — это период поисков себя, сферы своей деятельности. Гоголь не просто хотел быть полезным обществу, он жаждал служить Отечеству, жаждал реализовать талант, данный ему Богом. Хотя данный период жизни прошел не без колебаний, поисков и сомне-

ний и, как отмечает В. Воропаев, прошел и «через опасные искусы юности», однако Гоголь остался верен своим христианским убеждениям.

Будущий писатель искал свой путь: где, в какой сфере найти себе применение, чтобы быть полезным обществу. В «Авторской исповеди» он писал: «Прежде чем вступить на поприще писателя, я переменил множество разных мест и должностей, чтобы узнать, к которой из них я был больше способен; но не был доволен ни службой, ни собой, ни теми, которые надо мной были поставлены. <...> Но как только я почувствовал, что на поприще писателя могу сослужить так же службу государственную, я бросил все, <...> чтобы <...> произвести <...> свое творенье, чтобы доказало оно, что я был также гражданин земли своей и хотел служить ей» [3, с. 231].

Все творчество Николая Васильевича изначально пронизано идеей служения России, любовью к ней. Почему же все-таки Гоголь не нашел себя ни на театральных подмостках, ни в преподавательской деятельности, ни на должности государственного служащего, хотя и пытался? Как он сам признается далее в «Авторской исповеди»: «Я еще не знал тогда, как многого мне недоставало затем, чтобы служить так, как я хотел служить». Чего же Гоголю недоставало? Далее Гоголь безбоязненно и откровенно разбирает страсти, обуревавшие его на тот период. Он пишет: «Я не знал тогда, что нужно для этого победить в себе все щекотливые струны самолюбья личного и гордости личной, не забывать ни на минуту, что взял место не для своего счастья, но для счастья многих <...> Я не знал еще тогда, что тому, кто пожелает истинно честно служить России, нужно иметь очень много любви к ней, которая бы поглотила уже все другие чувства, — нужно иметь много любви к человеку вообще и сделаться истинным христианином во всем смысле этого слова» [3, с. 231].

Что значит «иметь много любви к человеку» и «сделаться истинным христианином в полном смысле этого слова»? Глубина этой мысли говорит о многом, прежде всего об интенсивной внутренней жизни: Гоголь не только знал (теоретически из духовной, святоотеческой литературы, из Евангелия), что такое православная вера и каким должен быть христианин, он познал суть этих слов через тяжелую внутреннюю брань, то есть борьбу человека с грехом в своей душе. Эти слова говорят об исполнении Гоголем следующей заповеди блаженств: «Блажени плачущии, яко тии утешатся» (Мф. 5:4). Плачущие — те, которые плачут и скорбят о своих грехах, то есть вступили на путь покаяния. Осознав свою нищету духовную, то, что без Бога они не могут победить зло в себе, обращаются с плачем о помощи к Богу, стремятся очистить свою душу. В духовной

жизни главное — не только знать, но и делать, претворять в жизнь то, что написано в Евангелии, духовных книгах.

Когда Гоголь понял, что его земное служение — это служение «на поприще писателя», он со всей ответственностью подошел к выполнению предназначенной ему свыше службы. В «Авторской исповеди» он достаточно строго говорит об ответственности к призванию и к тому, что пишет автор: «чтобы почувствовал и убедился сам автор, что, творя творенье свое, он исполняет именно тот долг, для которого он призван на землю, для которого именно даны ему способности и силы, и что, исполняя его, он служит в то же самое время так же государству своему, как бы он действительно находился в государственной службе» [3, с. 231]. Эти рассуждения призывают любого человека отказаться от эгоизма.

Гоголь говорил, что литература должна быть «незримой ступенью» ко Христу, поэтому стремился, чтобы его произведения могли указать путь к нравственному возрождению. В его творчестве и во всей его жизни воплотилась заповедь: «Блажени алчущие и жаждущие правды, яко тии насытятся» (Мф. 5:6). Алчущие и жаждущие — это сильно желающие, горячо стремящиеся угодить Богу жизнью своей по правде, то есть по Христову Евангельскому закону.

Своими произведениями Гоголь старался пробудить людей от греховного сна, воздвигнуть на борьбу с грехом ради обретения вечной жизни в Боге. Особенно отчетливо Николай Васильевич сумел это выразить в «Ревизоре» и «Мертвых душах»: и в комедии, и в поэме он хотел, чтобы все увидели не только пороки, страсти, свойственные человеку и обществу, а поняли бы, к какому итогу земной жизни они приведут. «Ревизор» — комедийное произведение, но оно имеет глубокий морально-нравственный смысл. Гоголь надеялся, что зрители и читатели смогут увидеть себя и понять, что Суд (имеется в виду Суд Небесный) неизбежен, надо меняться, работать над собой. Само название комедии имеет двойной смысл: это и реальный ревизор, который едет с проверкой, и которого боятся чиновники, и Тот Ревизор, Кому каждый даст отчет в свой срок.

В названии поэмы «Мертвые души» также сокрыт двойной смысл. Один связан с конкретными обстоятельствами авантюры Чичикова, купавшего мертвых крестьян (мертвые души), формально по ревизской сказке числящихся как бы живыми. Другой (духовный) — раскрыт в предсмертной записи Гоголя: «Будьте не мертвые, а живые души. Нет другой двери, кроме указанной Иисусом Христом, и всяк, прелезающий иначе, есть тать и разбойник». «Истинно, истинно говорю вам: кто не дверью входит во двор овчий, но перелезает инуде, тот вор и разбойник... истинно, истинно говорю вам, что Я дверь овцам» (Ин. 10:1,7).

И в поэме, и в комедии основной является проблема выбора пути: путь ко Христу и путь богоотступнический. Причина всех бед на уровне человека и общества — греховное богоотступничество. Пребывание вне Бога порождает пошлость жизни, которую так ярко сумел показать в своих произведениях Гоголь. Как пишет Михаил Дунаев, «пошлость — ключевое слово, когда заходит речь о творчестве Гоголя» [3, с. 399]. «Обо мне много толковали, разбирая кое-какие мои стороны, но главного существа моего не определили. Его слышал один только Пушкин. Он мне говорил всегда, что еще ни у одного писателя не было этого дара выставлять так ярко пошлость жизни, уметь очертить в такой силе пошлость пошлого человека, чтобы вся та *мелочь*, которая ускользает от глаз, мелькнула бы *крупно* в глаза всем. Вот мое главное свойство, одному мне принадлежащее и которого, точно, нет у других писателей. Оно впоследствии углубилось во мне еще сильнее» — так свидетельствовал Гоголь позднее (в «Выбранных местах...») [3, с. 111]. Для Гоголя пошлость прежде всего понятие религиозное, это богоотступничество, совершаемое не у всех на глазах, а в рутинной повседневности.

Так в чем же наиболее ярко проявляется пошлость? В Евангелии сказано: «Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут; но собирайте себе сокровища на небе, где ни моль, ни ржа не истребляют и где воры не подкапывают и не крадут» (Мф. 6:19–20). В основе всех соблазнов, показанных автором как в «Ревизоре», так и в «Мертвых душах», лежит тяга к *земному* и отвержение *небесного*. Прежде всего это находит выражение в стяжании богатства и накоплении денег, человек заражен накопительством. Деньги становятся кумиром, идолом для человека. Гоголь сумел ярко, выразительно, возможно, в гипертрофированной форме, показать до какого состояния может довести такая «любовь» к деньгам на примере Плюшкина. Сам автор старался жить нестяжательно: своего дома не имел, деньги отдавал в фонд помощи бедным студентам, всегда помогал нищим. Так исполнял он заповедь: «Не сотвори себе кумира» (Исх. 20:4).

Прп. Варсонофий Оптинский в одной из своих бесед с духовными чадами говорил: «Гоголь хотел изобразить русскую жизнь во всей ее разнообразной полноте. С этой целью он начал свою поэму „Мертвые души“ и написал уже первую часть. <...> Гоголь сам испугался того, что написал, но утешил себя тем, что это только накипь, только пена, снятая с воды житейского моря. Он надеялся, что во втором томе ему удастся нарисовать русского православного человека во всей его красоте, во всей чистоте. Как это сделать, Гоголь не знал» [8, с. 274]. Приблизительно в это же время он посещает Оптину Пустынь, уехав оттуда с обновленной

душой. Он не оставил мысли написать второй том «Мертвых душ» и работал над ним.

Как отмечают критики, в 1840-х годах у Гоголя начинается важный этап жизни. В «Авторской исповеди» он пишет: «С этих пор человек и душа человека сделались, больше чем когда-либо, предметом наблюдений. Я оставил на время все современное; я обратил внимание на узнавание тех вечных законов, которыми движется человек и человечество вообще. Книги законодателей, душеведцев и наблюдателей за природой человека стали моим чтением. <...> и на этой дороге, нечувствительно, почти сам не ведая как, я пришел ко Христу, увидевши, что в Нем ключ к душе человека» [3, с. 234–235]. Гоголь старался претворять в жизнь заповедь: «Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всею душою твоею и всем разумением твоим — сия есть первая и наибольшая заповедь; вторая же подобная ей: возлюби ближнего твоего, как самого себя; на сих двух заповедях утверждается закон и пророки» (Мф. 22:37–40). И стремился к этому. Эти заповеди становятся основным лейтмотивом «Выбранных мест из переписки с друзьями» — главного, итогового, произведения Гоголя, вышедшего в печати в 1847 году.

В письме к Николаю Языкову он так пишет о замысле этой книги: «Я как рассмотрел все то, что писал разным лицам в последнее время, особенно нуждавшимся и требовавшим от меня душевной помощи, вижу, что из этого может составиться книга, полезная людям, страждущим на разных поприщах... Я попробую издать, прибавив кое-что вообще о литературе» [3, с. 116]. Все книги, сборники, письма, вошедшие в «Выбранные места...», как бы внешне не казались разрозненными, на самом деле имеют строгую внутреннюю связь, представляют стройное цельное произведение.

Главное содержание всей книги — это Россия и ее духовная будущность. В десяти из тридцати двух глав книги национальная идея вынесена в заглавие. Гоголь полагал, что то, о чем болело его сердце и потому легло на бумагу, его идеи служения Отечеству, идеи нравственного, религиозного обновления настолько будут востребованы, что он так писал о книге: «Она нужна, слишком нужна всем...». Он был уверен в ее успехе, и считал, что «это до сих пор моя единственная дельная книга».

Однако именно эта книга при жизни писателя была не понята и осуждена современниками в большинстве своем. В ней увидели отказ Гоголя от своего художественного стиля и переход в другую сферу деятельности — проповедничества. Распространилось мнение, что автор помешался. «Однако, — как пишет В. Воропаев, — весь этот шум вынес на поверхность немало духовных вопросов и таких тонкостей общественной и частной жизни, о которых интеллигенция того времени почти

или вовсе не задумывалась. Гоголь как бы пробил полынью в толще льда, и так или иначе открыл доступ к живительной влаге» [2, с. 38].

Конечно, его огорчала критика журналистов, но особенно огорчали нападения друзей. Этот период в жизни Николая Васильевича можно назвать периодом бескровного мученичества. Еще вчера (условно) он был необыкновенный, гениальный писатель, а сегодня (после выхода «Выбранных мест...») — он уже «человек, у которого что-то тронулось в голове». А все потому, что он искренне, от всего сердца хотел призвать всех к духовному и душевному оздоровлению, заглянуть внутрь себя и насколько возможно исправиться. Гоголь не считал справедливым такое отношение к нему. В «Авторской исповеди» он писал, отвечая на упреки критиков, утверждавших, что в «Выбранных местах из переписки с друзьями» он изменил своему назначению и вторгся в чуждые ему пределы: «Я не совращался с своего пути. Я шел тою же дорогою... и пришел к Тому, Кто есть источник жизни» [3, с. 234–235]. В этот период Гоголь жизнью своей прикоснулся к духовному смыслу заповедей: «Блаженни есте, егда поносят вам, и ижденут, и рекут всяк зол глагол на вы лжуще, Мене ради. Радуйтеся и веселитесь, яко мзда ваша многа на небесех» (Мф. 5:12), и «Блаженни миротворцы, яко тии сынове Божии нарекутся» (Мф. 5:9). В отношении к своим обвинителям он старался поступать как миротворец: не спорить, не вступать в полемику, желать всем добра и спасения.

1845 год был тяжелым, кризисным в жизни Гоголя, связано это было с болезнью писателя. Как бы предчувствуя смерть, он пишет духовное завещание и сжигает рукопись второго тома «Мертвых душ». «Не легко было сжечь пятилетний труд, производимый с такими болезненными напряжениями, где всякая строка досталась потрясением, где было много того, что составляло мои лучшие помышления и занимало мою душу. <...> Благодарю Бога, что дал мне силу это сделать <...> Появление второго тома в том виде, в каком он был, произвело бы скорее вред, нежели пользу» [3, с. 116].

Именно в это время Гоголь имеет желание оставить литературное поприще и уйти в монастырь. Об этом свидетельствует дочь веймарского православного священника Степана Карповича Сабинина, к которому писатель приехал поговорить о своем желании. Однако, видя состояние Гоголя, священник убедил его не принимать окончательного решения. В «Выбранных местах...» в письме к графу П. А. Толстому он пишет: «нет выше званья, как монашеское. И да сподобит нас Бог надеть когда-нибудь простую ризу чернеца, так желанную душе моей. О которой уже и помышление мне в радость. Но без зова Божьего этого не сделать» [3, с. 119].

Смысл монашества для Гоголя состоял не только в очищении души, но и вместе с нею и художественного таланта. Как пишут критики, художническое начало побеждало в Гоголе; его кризис — следствие глубочайшего внутреннего конфликта между духовными устремлениями и писательским даром.

В 1848 году Гоголь совершает паломничество в Иерусалим. Это стало ключевым событием в его жизни и духовном развитии. Гоголевское описание Литургии у Гроба Господня исполнено высокого воодушевления и теплого чувства. Литургия прошла на одном дыхании. Эта ночь, проведенная у Гроба Господня, навсегда осталась в памяти Гоголя. Именно там, в Иерусалиме, он увидел состояние своего сердца, о чем он писал священнику Матфею Константиновскому: «Скажу вам, что еще никогда не был я так мало доволен состоянием сердца своего, как в Иерусалиме и после Иерусалима. Только разве что больше увидел черствость свою и свое себялюбье — вот результат». Эти слова говорят не о недовольстве поездкой, как некоторые считают, а о смирении Гоголя. Он сам пишет: «часто я думаю: за что Бог так милует меня и так много дает мне вдруг, и могу только объяснить себе это тем, что мое положение действительно опаснее, и мне трудней спастись, чем кому другому <...> Дух-обольститель так близок от меня и так часто меня обманывал, заставлял меня думать, что я уже владею тем, к чему только еще стремлюсь и что покуда пребывает только в голове, а не в сердце» [3, с. 119].

Близость Бога, которую почувствовал Гоголь в Иерусалиме, у Гроба Господня, пролила свет в его душу. Этот божественный свет просветил и позволил увидеть то, что есть в душе всех людей после грехопадения первого человека Адама, увидеть, насколько душа пропитана грехом. Как и святые отцы Церкви говорят, что чем более человек приближается к Богу, тем больше в божественном свете видит свою греховность, тем острее переживает ее. Плодом поездки Гоголя в Иерусалим было еще большее осознание своей духовной нищеты в свете Божиим, и, как следствие, еще большее стремление к Богу, усиленный поиск большего приближения к Нему.

В 1850 году Гоголь собирался на Афон. Однако вместо Афона он оказался в Оптиной Пустыни. В Оптиной Гоголь был три раза. В своем письме к графу А. П. Толстому он писал: «Я думаю, на самой Афонской горе не лучше <...> Нигде я не видал таких монахов. С каждым из них, мне казалось, беседует все небесное» [8, с. 104].

Как говорил в одной из своих бесед прп. Варсонофий Оптинский: «Наш великий писатель Н. В. Гоголь переродился духовно под влиянием бесед со старцем Макарием <...> великий произошел в нем перелом. Какая же цельная натура! Он не был способен на компромисс. Поняв, что

нельзя жить так, как он жил раньше, он без оглядки повернул к Христу и устремился к Горнему Иерусалиму» [8, с. 268–275]. Гоголю нужен был наставник, он жаждал праведной святой жизни, но каким путем ему лично нужно идти, он не знал. Господь услышал искреннее чистое желание его и послал встречу со старцем Макарием. И Гоголь переродился. Он сам говорил: «Вошел я к старцу одним, а вышел другим» [8, с. 268–275].

Жизнь и творчество писателя свидетельствуют о том, что он пытался услышать в своей душе голос Бога, говорящий ему через Священное Писание, учился этому и старался воплотить в своей жизни. Путь исполнения заповедей привел его к желанной Встрече с Богом.

В Жировицком монастыре не так давно подвизался известный в Беларуси старец схиархимандрит Митрофан (Ильин; + 2005). Он часто говорил приходившим к нему за духовным советом: «Главное — какой кончик». Батюшка имел в виду конец жизни человека: в каком состоянии он уходит в мир иной. «Гоголь умер христианином», — сказал прп. Варсонофий Оптинский. Как писал прот. Василий (Зеньковский), «проблемы, поставленные Гоголем, продолжают волновать и тревожить русских людей и в наше время» [7, с. 189]. Поэтому судьбу Н. Гоголя можно рассматривать как возможный путь жизненного возрастания для современного человека — путь переживания неудовлетворенности земным, путь искания и восхождения к истинной жизни в Боге.

### Библиографические ссылки

1. *Виноградов И., Воропаев В.* Духовная проза Н. В. Гоголя // Гоголь Н. В. Духовная проза. Отчий Дом. М., 2001.
2. *Воропаев В.* Николай Гоголь: опыт духовной биографии // Гоголь и православие. Сборник статей о творчестве Н. В. Гоголя. Международный Фонд единства православных народов. М., 2004.
3. *Гоголь Н. В.* Духовная проза. Отчий дом. М., 2001.
4. *Гоголь и Православие.* Сборник статей о творчестве Н. В. Гоголя. Международный Фонд единства православных народов. М., 2004.
5. *Дунаев М.* Православие и русская литература: Учебное пособие для студентов духовных академий и семинарий. В 5-ти частях. Ч II. М.: Христианская литература, 1996.
6. *Дунаев М.* Вера в горниле сомнений. Православие и русская литература в XVII-XX вв. (фрагменты). Минск: ЗАО «Православная инициатива», 2005.
7. *Зеньковский В. В.* История русской философии в 2-х томах. Л.: «ЭГО», 1991.
8. Преподобный Варсонофий Оптинский. Духовное наследие. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1999.
9. *Франк С. Л.* Реальность и человек / Сост. П. В. Алексеев; прим. Р. К. Медведевой. М.: Республика, 1997.